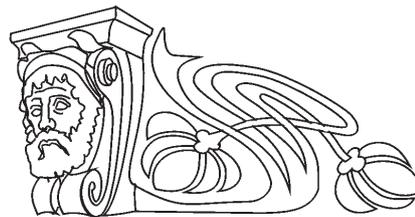

УДК 101.1::316

Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление

С. М. Фролова, Е. В. Листвина

Фролова Светлана Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, frolovasvetla777@yandex.ru

Листвина Евгения Викторовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, listvamer@yandex.ru

В статье рассматривается феномен цифрового общества, цифровой культуры как следствие проникновения цифровых технологий в основные составляющие сферы культуры, влияющих на формирование нового культурного опыта, меняющих поведенческие и культурные предпочтения. Выделяются специфические характеристики цифровой культуры, связанные с качественным изменением таких социальных параметров, как изменение восприятия времени, появление новых форм коммуникации, выработка иного стиля поведения индивидов, изменение форм занятости индивидов, формирование новых институциональных установок повседневного бытия. Отмечается неоднозначность исследуемого феномена, который, с одной стороны, активно внедряется во все сферы социального бытия, становится неизбежным условием существования социальных институтов, социокультурной коммуникации, социального прогнозирования и в целом планетарной перспективы. С другой стороны, авторы задаются вопросом: насколько необходим технический прогресс, который оборачивается против самого человека и приводит к ликвидации рабочих мест, отказу от аналитического восприятия информации, к утрате способности логического мышления, замене живого общения на экранное. Авторы акцентируют внимание на возникших в последние годы явлениях: медийная аскетика (сознательное ограничение доступа к медийной информации и использования гаджетов), которая становится признаком социальной элиты; усиливающаяся архаизация регионов во всем мире при использовании для архаизационных процессов новейших технологий.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровая культура, аналоговая культура, социальные параметры цифровой культуры, культура повседневности.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412>

Культура как онтологический феномен характеризует общество в целом, поскольку отражает выработанные устои, обеспечивающие его бытие в процессе повседневной деятельности. Культурная картина повседневной жизни во многом определяет предметно-практическую направленность бытия человека.

Можно утверждать, что в современную эпоху технологии и цифровые средства коммуникации стали неотъемлемой составляющей нашего бытия. Они настолько распространили свое влияние на все стороны жизни, что мы спокойно теперь рассуждаем о цифровом обществе, цифровом образовании, цифровой религии [1], цифровой культуре. Последнее не случайно, поскольку, как уже было сказано, культура – бытийственный фактор, и цифровые технологии, проникшие в основные составляющие сферы культуры, не могут не влиять на формирование нового культурного опыта, кардинально меняя поведенческие и культурные предпочтения.

Важно отметить, что, несмотря на широкое применение, понятие «цифровая культура», или «культура эпохи цифровизации», не имеет четкой формулировки, хотя такие попытки на протяжении уже четверти века предпринимаются отечественными и зарубежными учеными [2]. Одни исследователи полагают, что цифровая культура – это феномен, «появившийся вследствие развития цифровых медиа» [3, с. 70]; другие связывают цифровую культуру с представлением об «артефактах и символических структурах, основанных на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включенных в институциональную систему...» [4, с. 12].

На наш взгляд, особого внимания заслуживает мнение Н. Л. Соколовой, согласно которому «исследование влияния цифровых средств коммуникации на культуру оборачивается не только изучением цифровой культуры, но и культур – «нецифровой», «прецифровой», – взаимосвязанных и взаимодействующих между собой», поскольку в соответствии с точным замечанием исследователя для понимания культуры в цифровую эпоху важны «различия поколений в отношении к цифровым технологиям», так как на культурное самоопределение оказывают влияние многие процессы, в том числе и «поколенческие различия, способы, которыми люди разных поколений общаются друг с другом...» [5, с. 10]. В этом смысле можно предположить, что основная проблема сегодняшнего дня – это проблема выстраивания новой конфигурации социокультурных схем и парадигм социального существования, когда происходят диффузия,

взаимопроникновение цифровой и аналоговой культур, где у аналоговой есть еще все фундаментальные традиционные возможности, но цифровая уже активно создает в тотальном культурном пространстве свои ниши, тесня аналоговую и в то же время «внедряясь» в нее, «произрастая» на ее онтологическом основании.

Исходя из сказанного, можно заключить, что цифровая культура – многоаспектный феномен, который характеризуется иным (сжатым) восприятием времени; совмещает архаичные и новейшие (в том числе цифровые) методы и формы коммуникации; определяет выработку иного стиля поведения индивидов и вырабатывает иные институциональные установки повседневного бытия; отказывается от привычных форм занятости. Именно с этих позиций предлагается рассмотреть такое явление, как цифровая культура.

Изменение восприятия времени. Не вызывает сомнений, что культура – это феномен, отличающийся динамичностью, каждый этап исторического развития которой характеризуется наличием особых черт социокультурных изменений. Однако в современном мире прогресс настолько стремителен, что ученые серьезно начинают обсуждать «феномен сжатия времени» (В. В. Миронов) как одну из особенностей цифровой культуры. Э. Тоффлер обращал внимание на существенное сокращение времени между изобретением и внедрением новых технологий, отмечая, что «первый патент на пишущую машинку был выдан в 1714 г., а в продажу машинки поступили через полтора столетия». Сегодня «такой разрыв между идеей и ее реализацией невозможно представить» [6, с. 40], поскольку усилия современной индустрии целенаправленно сокращают время между изобретением и его внедрением. Необходимо отметить, что скорость введения новаций в нашу повседневность опережает все прогнозы фантастов. Мы являемся свидетелями того, как быстро совершенствуются, например, модели iPhone, производители не успели информировать о выходе новой модели, как через несколько дней она считается устаревшей, поскольку выпущена следующая, гораздо совершеннее. Более того, это социально-экономически запланированное явление, призванное удерживать общество в консьюмеристской «стабильности». В. В. Миронов обращает внимание на то, что «сегодня достаточно часто студенты старших курсов не вполне уже понимают студентов первого курса, так могут различаться их интересы, связанные с использованием технологий. Для многих сегодня уже непредставимо, что можно писать черниль-

ной перьевой ручкой (а ведь еще было гусиное перо!), так же, как и уметь вести беседу» [7, с. 8].

Здесь мы переходим к следующему аспекту цифровой культуры, тоже подверженному временной трансформации, – *форме коммуникации*.

Платоновский Сократ в диалоге «Федр» считал умение вести диалог одним из наиважнейших искусств, поскольку в «подлинном искусстве речи» познается истина («кто не знает истины... у того искусство речи будет... неискusstvenным» [8, с. 820]); оратор руководствуется общим благом, а не личной пользой («оратор, не знающий, что такое добро, а что – зло..., учтя мнение толпы, убедит ее сделать что-нибудь плохое вместо хорошего...» [8, с. 818]); речь должна быть упорядоченной, взаимосвязанной, последовательной, речь «словно живое существо, – у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг к другу и соответствовать целому» [8, с. 823].

Современная коммуникация отличается новыми характеристиками: на поиск истины в споре уже никто не ориентируется. «У субъекта, оперирующего большими данными, формируется в значительной степени иной тип мышления, в основе которого лежит количество и корреляция разнообразных массивов информации, а истина отступает на второй план...» [7, с. 7]; ориентир на общее благо сомнителен (достаточно вспомнить искажение информации СМИ), и также нельзя назвать благом общение посредством коротких СМС-сообщений, с применением особой терминологии и сокращениями в словах; структурированность речи оставляет желать лучшего, поскольку, чтобы грамотно выстроить речь, необходимо уметь анализировать прочитанное, а это затруднительно на фоне снижения интереса к чтению и отсутствия стремления к запоминанию информации (есть Интернет). На фоне цифровизации образования и планируемого перевода лекций в режим онлайн вопрос о совершенствовании навыков ведения диалога остается открытым.

Понятно, что изменение восприятия времени, новые формы коммуникации предполагают *изменение поведенческих установок*.

Для современного общества характерно приобретение предметов, упрощающих коммуникацию, которые «из объектов обладания превращаются в средства общения... Получается, что характер потребляемых благ определяется не личностью данного человека, не его индивидуальными предпочтениями, а тем, кем он хочет казаться в глазах окружающих» [9, с. 96–104]. В условиях виртуального общения создать себе

желаемый образ не составляет никаких трудностей, виртуальность – это стиль жизни, от которого никто (мы имеем в виду прежде всего молодое поколение) не желает отказываться. В последнее время в выстраивании идентичности культура общения и стиль поведения отличаются от начального периода пользования Интернетом.

Исследователи отмечают «парадокс» эпохи Интернета, который «заключается в том, что хотя применение цифровых технологий и предоставляет в распоряжение представителей нового поколения практически неограниченные возможности для создания многочисленных вариантов своего «я» на самых разных виртуальных платформах, тем не менее, они гораздо сильнее привязаны к своей идентичности в реальном мире. Личный профиль в социальных сетях у представителей цифрового поколения практически идентичен описанию личности» [10, с. 8]. Подросткам интереснее общаться с теми, кого они никогда не видели, чем со своей семьей.

Еще Э. Тоффлер отмечал, что неуправляемый «поток нового» безжалостно «прочерчивает линию по человечеству, разделяя нас на лагеря, вызывая горькое непонимание между родителями и детьми...» [6, с. 47, 50]. Причем этот разрыв иного плана, нежели привычное противостояние отцов и детей в предыдущие эпохи. Он характеризуется качественно новыми формами хранения и передачи информации, что в ряде случаев делает реально невозможным коммуникацию между людьми разных поколений. Как следствие этого индивид наделяет человеческими качествами животных. Наблюдается распространение так называемой «собачьей культуры, когда общение с людьми заменяется на общение с животными» [11, с. 227]. Американские исследователи замечают, что животные стали играть «новую роль в нашем обществе». Общение с «братьями нашими меньшими» перестало отличаться от общения с людьми или даже стало восприниматься как более выигрышное. Если «раньше на приобретении домашних животных настаивали именно дети» [12, с. 168], то теперь основными покупателями становятся взрослые люди, называя себя «родителями домашних животных». Животные наследуют имущество, для них развивается мощная индустрия, открываются кафе и рестораны, оборудуются автомобили. Такое очеловечивание животных «выдает невосполнимые потери, понесенные гуманизмом в современном мире» [13, с. 223], а приписывание животным не присущих им свойств выдает «душевную неустроенность» и является попыткой компенсации недополученной радости коммуникации.

Сказанное обуславливает изменение привычных (особенно для старшего поколения) *форм занятости*.

Если верить прогнозам аналитиков, «... через 40 лет от 50 до 70% работников из производства будут убраны и заменены роботами. Сейчас исключительно роботами производится 10% всех товаров, к 2025 г. прогнозируется 40%. В зоне риска находятся не только “синие”, но и “белые воротнички”: пострадают управленцы, водители автомобилей, фармацевты, страховые агенты, продавцы, коллекторы» [14]. Надо сказать, что они уже фактически ощущают на себе последствия цифровизации ряда отраслей экономики. Создаются новые социальные слои и страты, которые еще ждут своих исследователей, а в реальности требуют формирования новых общественных институтов, культурных парадигм, коммуникаций и перестройки социума в целом.

При трудоустройстве, как отмечают исследователи, к базовым знаниям относят навыки информационной грамотности, «которая означает умение целенаправленно, самостоятельно, ответственно и эффективно обходиться с информацией, составляющей рабочий контент трудящегося» [15, с. 381]. К сказанному следует добавить и то, что для комфортного существования в современном цифровом обществе важно не только мастерски владеть цифровыми технологиями, но и уметь обезопасить себя от спама, отстоять неприкосновенность персональных данных, поставить защиту от компьютерных вирусов. Все это требует, кроме знаний, еще и финансовых вложений, что в условиях сокращения рабочих мест не для всех возможно. Учитывая стремительное снижение объемов сфер, где будет задействован трудовой потенциал человека, исчезновение или невостребованность существующих ранее видов профессиональной деятельности, повышение пенсионного возраста, можно предположить, что в скором времени многие представители старшего поколения, а возможно, и не только они, останутся без работы.

Подводя итоги, можно сформулировать несколько выводов и даже в большей степени проблем, которыми задаются исследователи современного социума. С одной стороны, есть закономерный вопрос: так ли необходим нам *такой* технический прогресс, который оборачивается против самого человека: когда нет рабочих мест, но есть огромный поток информации, для усвоения которой не хватает времени, когда по этой причине происходит отказ от чтения книг, анализа объемных текстов, что ведет к утрате способности логического мышления, замене

«живого» общения на «общение» с экраном или животными? С другой стороны, этот процесс не так однозначен и в первую очередь в том, что восприятие и включение в реальную обыденную жизнь социума технологических, экономических, кажущихся неизбежными для человечества новаций неминуемо перерабатывается культурой, которая по сути своей не может это пересомыслить, не опираясь на богатый фундамент наработанных паттернов, парадигм, ценностей, традиций. И поэтому в последние годы можно наблюдать ряд интересных явлений, например, медийную аскетику (сознательное ограничение доступа к медийной информации и использования гаджетов), которая в настоящее время становится признаком социальной элиты, могущей себе позволить не быть зависимой от медийного пространства и иметь собственное время для живой коммуникации, персонального времени и пространства [16]. Это, например, усиливающаяся архаизация регионов во всем мире, когда социокультурной реакцией на стремительное внедрение цифровых технологий становится массивное возвращение к традиционным, чуть ли не дописьменным ценностям (пусть и в новой «цифровой упаковке»), как, в частности, постсекуляризация в развитых странах незавершенного проекта модерна, но имеющим целью активизировать вульгаризированное восприятие традиции и использовать его в качестве инструмента социального, культурного, политического и экономического воздействия [17]. Действительно, мы сейчас находимся в процессе сложной перекодировки, реформативировании всего привычного социокультурного пространства [18, с. 83]. Это ведет к появлению различных непредсказуемых конфигураций с открытым социокультурным финалом, результаты которого еще предстоит пережить и осмыслить.

Таким образом, можно отметить, что обозначенные в статье вопросы являются одной из серьезных проблем современной гуманитаристики, требующей дальнейшего пристального внимания и социально-философского анализа.

Список литературы

1. *Иванов А. В.* Цифровая религия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 377–381.
2. *Кузнецова Т. Ф.* Цифровая культура // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 233–237.
3. *Шамиурин Д. А.* Цифровые медиа как фактор культурной глобализации // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 6 (72), ч. 2. С. 70–75.
4. *Галкин Д. В.* Digital Culture : методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 11–16.
5. *Соколова Н. Л.* Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 7–10.
6. *Тотфлер Э.* Шок будущего. М. : АСТ, 2008. 560 с.
7. *Миронов В. В.* Платон и современная пещера big-data // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, вып. 1. С. 4–24.
8. *Платон.* Федр // Платон. Диалоги. Книга первая. М. : Эксмо, 2008. 1360 с.
9. *Погудаева М. Ю., Семенова-Слабкович Я. А.* Особенности поведения потребителя в условиях информационной экономики // Экономический журнал. 2012. № 4 (28). С. 96–104.
10. *Максимова О. А.* «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2013. № 22 (313). Филология. Искусствоведение. Вып. 81. С. 6–10.
11. *Слезин В.* Геноцид белой расы. Кризис Европы. Как справиться, как преуспеть. М. : АСТ ; СПб. : Астрель-СПб., 2010. 285 с.
12. *Пенн М. Дж.* Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М. : АСТ, 2009. 510 с.
13. *Касавин И. Т., Щавелев С. П.* Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004. 432 с.
14. *Четверикова О.* Как цифровой мир меняет человека. URL: <https://view-w.ru/2017/05/06/kak-cifrovoy-mir-menyayet-cheloveka/> (дата обращения: 13.02.2019).
15. *Сизова И. Л., Хусьянов Т. М.* Труд и занятость в цифровой экономике : проблемы российского рынка труда // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10, вып. 4. С. 376–396.
16. *Соловьев Д., Белоус П.* Медийная аскетика как феномен цифровой культуры // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 2, vol. 8. С. 77–92.
17. *Абрахманов Д. М., Буранчин А. М., Демичев И. В.* Архаизация регионов как социальная проблема. Уфа : Мир печати, 2016. 405 с.
18. *Прокудин Д. Е., Соколов Е. Г.* «Цифровая культура» vs «аналоговая культура» // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. Вып. 4. С. 83–91.

Образец для цитирования:

Фролова С. М., Листвина Е. В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 408–412. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412>

Culture in the Era of Digitalization: Social and Philosophical Understanding

S. M. Frolova, E. V. Listvina

Svetlana M. Frolova, <https://orcid.org/0000-0002-2586-1291> Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, frolovasvetla777@yandex.ru

Evgeniya V. Listvina, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477> Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, listvamer@yandex.ru

The article deals with the phenomenon of a digital society and a digital culture as a consequence of the penetration of digital technologies into the main components of the sphere of culture, influencing the formation of a new cultural experience and changing behavioral and cultural preferences. The article highlights the specific characteristics of a digital culture associated with qualitative changes in such social parameters as changing the perception of time, the emergence of new forms of communication, the development of a different style of behavior of individuals, changing forms of employment of individuals, and the formation of new institutional settings of everyday life. The authors note the ambiguity of the phenomenon under study, which, on the one hand, is actively implemented in all spheres of social life and becomes an inevitable condition for the existence of social institutions, socio-cultural communication, social forecasting and the planetary perspective on the whole. On the other hand, the authors raise the question – how much technical progress is needed, which turns against the person himself and leads to the elimination of jobs, the rejection of the analytical perception of information, to the loss of the ability of logical thinking, the replacement of live communication with the screen one. At the same time, the authors note the phenomena which have evolved in recent years: media asceticism (conscious restriction of access to media information and the use of gadgets), which is becoming the sign of a social elite; increasing archaization of regions around the world when using the latest technology for archaization processes. All this requires further attention and socio-philosophical analysis of the problems raised in the article.

Keywords: digital society, digital culture, analog culture, social parameters of digital culture, culture of everyday life.

References

1. Ivanov A. V. Digital Religion. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 377–381 (in Russian).
2. Kuznetsova T. F. *Digital Culture. Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2018, no. 4, pp. 233–237 (in Russian).
3. Shamshurin D. A. Digital media as a factor of cultural globalization. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2018, no. 6 (72), part 2, pp. 70–75 (in Russian).
4. Galkin D. V. Digital Culture: Methodological Issues of Research of Cultural Dynamics from Digital Automotons to Techno-Bio-Creatures. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Studies], 2012, no. 3, pp. 11–16 (in Russian).
5. Sokolova N. L. Digital Culture or Culture in the Digital Age. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Studies], 2012, no. 3, pp. 7–10 (in Russian).
6. Toffler A. *Future Shock*. New York, 1970. 286 p. (Russ. ed.: Toffler A. *Futuroshok*. Moscow, AST, 2008. 560 p.).
7. Mironov V. V. Platon and Modern Cave Big-Data. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, iss. 1, pp. 4–24 (in Russian).
8. Platon. Fedr [Phaedrus]. In: *Platon. Dialogi* [Dialogues]. Book one. Moscow, EKSMO, 2008. 1360 p. (in Russian).
9. Pogudaeva M. Yu., Semenova-Slabkovich Ya. A. Features of Consumer Behavior in the Information Economy. *Economic Journal*, 2012, no. 4 (28), pp. 96–104 (in Russian).
10. Maximova O. A. “Digital” Generation: Lifestyle and Identity Construction in Virtual Space. *Bulletin of Chelyabinsk state University*, 2013, no. 22 (313), Philology, Art criticism, iss. 81, pp. 6–10 (in Russian).
11. Slezin V. *Genotsid beloy rasy. Krizis Evropy. Kak spastis', kak preuspet'* [Genocide of the White Race. The Crisis of Europe. How to Escape, How to Succeed]. Moscow, AST ; St. Petersburg, AST-SPb, 2010. 285 p. (in Russian).
12. Penn M. J. Zalesne E. Kinney. *Microtrends: The Small Forces Behind Tomorrow's Big Changes*. Hachette Book Group USA, 2007. 425 p. (Russ. ed.: Penn M. Dzh. *Mikrodendentsii: Malen'kie izmeneniya, privodyashchie k bol'shim peremenam*. Moscow, AST, 2009. 510 p. (in Russian).
13. Kasavin I. T., Shchhavelev S. P. *Analiz povsednevnosti* [Analysis of Everyday Life]. Moscow, Kanon+, 2004. 432 p. (in Russian).
14. Chetverikova O. *Kak tsifrovoy mir menyaet cheloveka* [How the Digital World Changes a Person]. Available at: <https://view-w.ru/2017/05/06/kak-cifrovoy-mir-menyaet-cheloveka/> (accessed 13 February 2009) (in Russian).
15. Sizova I. L., Khusyainov T. M. Work and employment in the digital economy: the problems of the Russian labour market. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2017, vol. 10, iss. 4, pp. 376–396 (in Russian).
16. Soloviev D., Belous P. Media Asceticism as a Phenomenon of Digital Culture. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace], 2014, no. 2, vol. 8, pp. 77–92 (in Russian).
17. Abrakhmanov D. M., Buranchin A. M., Demichev I. V. *Arkhazatsiya regionov kak sotsial'nayach problema* [The Archaization of Regions as a Social Problem]. Ufa, Mir pechati, 2016. 405 p. (in Russian).
18. Prokudin D. E., Sokolov E. G. “Digital Culture” vs “Analog Culture”. *Vestnik of Saint Petersburg University, Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Cultural Studies. Religious Studies*, 2013, iss. 4, pp. 83–91 (in Russian).

Cite this article as:

Frolova S. M., Listvina E. V. Culture in the Era of Digitalization: Social and Philosophical Understanding. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 408–412. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412>